

АНТРОПОМОРФНЫЕ МЕТАФОРЫ И СРАВНЕНИЯ В ПОЭЗИИ В. БРЮСОВА

Ключевые слова: *идиостиль В. Брюсова, олицетворение, метафора, сравнение.*

Антропоморфизм, или олицетворение, или персонификация, – приписывание в контексте художественного произведения различным реалиям окружающего мира и отвлеченным понятиям человеческих свойств, – характерная черта поэтической картины мира. В поэтическом языке олицетворение распространяется на все возможные семантические классы денотатов; одни из них относятся к окружающему человека миру: «Природа» («Атмосферные явления», «Растения», «Животные», «Вода», «Огонь», «Свет», «Времена года», «Земля», «Небо»), «Время», «Предметы, созданные человеком», другие – к внутреннему миру, физическому и социальному плану человека: мысли и чувства, душа и сердце, тело и его части, город, страна, различные социальные явления. Предметы сравнения всех этих семантических классов в антропоморфных метафорических и сравнительных конструкциях приобретают образные соответствия, относящиеся к классу «Человек», которые можно разделить на следующие основные подклассы: «Язык, речь», «Интеллект», «Эмоции», «Жизненный цикл», «Действия», «Физические состояния», «Восприятие», «Части тела», «Обозначения людей» и некоторые другие.

При том, что в поэзии складываются традиционные, общие для многих поэтов тропеические соответствия, идиостиль каждого поэта отличается своим собственным набором образных параллелей с общим значением олицетворения и индивидуальным набором лексем, выражающих каждую образную параллель. В

данной работе мы рассмотрим особенности персонифицирующих тропов в поэзии В. Брюсова¹.

Среди предметов сравнения у В. Брюсова, как и у многих других поэтов, чаще всего олицетворяются природные реалии. Среди них, в свою очередь, для В. Брюсова характерны антропоморфные тропы с обозначениями светил: *звезды, созвездия, месяц, луна, солнце*. Олицетворяющие лексемы в сочетании с этими обозначениями – в первую очередь, достаточно традиционные в поэтическом языке **предикаты зрительного восприятия** *глядеть, смотреть*. Больше всего таких сочетаний со словами *звезды, звездочки*, например: «На черно-безжизненный сад, / Из вышины, / Последние звезды *глядят* / И серп луны [Брюсов т. I:62]. Глаголы зрительного восприятия сочетаются и с обозначениями других светил: «*Смотрит* месяц к нам в окно» [там же:112].

В. Брюсов разными способами развивает и обновляет традиционные сочетания с глаголами зрительного восприятия: употребляет эти глаголы в сочетании с другими «человеческими» предикатами – предикатами речи, эмоциональных действий; в результате получается живой, яркий персонифицированный образ: «Звезды тихонько *шептались*, / Звезды *смотрели* на нас. / Милая, верь мне, – в тот час / Звезды над нами *смеялись*» [там же:45].

Образ оживляется и в сочетании глагола зрительного восприятия с персонифицирующим наречием: «Только звезды *глядят молитвенно*, / Но и они насмешливо судят» [Брюсов т. III:69]; «Звезды-миры *смотрят* с неба *в упор*» [там же:360].

Ряд глаголов зрительного восприятия пополняют глаголы-дериваты *заглянет, подглядывали*: «Мне грустно оттого, что мы с тобой не двое, / Что месяц, гость небес, *заглянет* к нам в окно» [Брюсов т. I:188]; «Звезды! мы – знакомые старые! Давно ль вы в окошко *подглядывали*» [Брюсов т. III:70].

¹ В работе Н. Кожевниковой [Кожевникова 2004] отмечается антропоморфизм как характерная черта поэзии В. Брюсова; наряду с другими семантическими группами тропов рассматриваются некоторые классы олицетворяющих метафор («Пение», «Язык» и нек. др.).

Помимо глаголов зрительного восприятия, В. Брюсов использует в сочетании с названиями светил и именные метафоры того же семантического поля *взгляд, взор*, а также слова *глаз, око*: «Месяца тусклое *око* / Всюду глядит в Океан» [Брюсов т.І:250]. Обновление традиционного ряда образов с этими словами происходит за счет дериватов: *око* – *светлоокие*: «Первая звездочка! око вечернее, / Привет тебе! <...> Глянули сестры твои, *светлоокие*» [там же:190].

Интересное развитие этого ряда образов – метафора *ресницы* (звезд), связанная сильной семантической связью со словом *глаз*: «Звезды закрыли *ресницы*, / Ночь завернулась в туман» [там же:45].

Следующая крупная группа антропоморфных метафор, характеризующих светила, – прилагательные, обозначающие **психоэмоциональные и физические свойства и состояния человека**. Как отмечает Н. Кожевникова, психологические эпитеты при описании мира природы – это общее свойство русской поэзии начала XX века [Кожевникова 1986:87]. Разные светила В. Брюсов характеризует разными эпитетами: звездам свойственны кротость, застенчивость, сочувствие, бесстрашие: «Тихие звезды – *задумчиво-кротки*» [Брюсов т.І:64], «затеплились звезды *смущенные*» [там же:171], «в холодном небе стынут / Лучи всегда *бесстрастных* звезд» [Брюсов т.ІІІ:336]; месяцу, луне – безжизненность, мертвенность, усталость, печаль, бессилие: «Желтоватый, *безжизненный* месяц / Над лугами взошел и застыл» [Брюсов т.І:119], «Всходила *мертвая* луна / Каким-то жаждущим упреком» [там же:170]; солнцу – беспощадность: «И солнце, *беспощадным* ликом, / Взглянув, огнем зажгло волну [там же:419].

Эмоциональные состояния и физические процессы, свойственные человеку, при характеристике светил могут выражаться не только прилагательными, но и глаголами: *печалиться, умирать*: «На заре *умерла* золотая луна. / На заре ты рассталась со мной» [там же:108]. В ряд метафор *умирать, мертвый* в применении к светилам входит необычная метафора *труп солнца*: «Над морем из серого крепина <...> / *Труп* солнца положен» [Брюсов т.ІІ:111].

В стихах В. Брюсова встречается и ряд других метафор в сочетании с названиями светил, основанных на обозначениях физических и эмоциональных проявлений человека, его речи: *дышать, дыхание, бодрствовать, улыбка, смеяться, шептаться*.

Метафоры, основанные на обозначениях **частей человеческого тела**, кроме указанных выше *глаза, очи*, включают и традиционный образ *лик* – солнца, месяца, луны. Необычный элемент в семантическом классе «Части тела» – *грудь* луны: «Таёт снег, дрожа под лунной *грудью*» [Брюсов т.Ш:182].

Отличительная особенность идиостиля В. Брюсова – обилие антропоморфных образов семантического поля «**любовные ощущения и действия**», часто с эротической окраской. При описании светил В. Брюсов употребляет такие элементы поля, как *ласкать, ласка, нежить, целовать, поцелуй, сладострастье*: «Море темное простерто, / Ждет, в томлени постоянства, / Скоро ль выйдет месяц мертвый / *Целовать* его пространство» [Брюсов т.І:112], «Имя твое под *любовными* / *Ласками* солнца светится» [Брюсов т.Ш:84].

При образной характеристике светил В. Брюсов, как и в других случаях, широко применяет **обозначения лиц**. Многие из этих обозначений традиционны и распространены в языке русской поэзии с XIX в. Это такие опорные слова компаративных тропов, как *друг, царь, царица, волшебница*: «Месяц! Мой *друг* неизменный!» [там же:247], «В часы увлекательной встречи / Близка нам *царица* луна» [Брюсов т.І:214]. В. Брюсов пополняет этот ряд новыми элементами: луна – *чужестранка, страж*, звезды – *колдуньи*, солнце – *священник, сатрап*: «И на небе *чужестранка* / Дышит бледная луна» [Брюсов т.Ш:221], «звезды, *колдуньи* мечтательные» [Брюсов т.ІІ:127], «Вот и солнце выходит, *священник* всемирный, / Ризы – пурпур и золото; крест из огня» [Брюсов т.Ш:526].

Следующий крупный класс персонифицированных природных реалий в поэзии В. Брюсова – олицетворения **водных объектов** (*волна, вода, море, океан, река, ручей, поток, струя, водопад* и др.). Среди олицетворяющих слов для этого класса наиболее характерны предикаты, обозначающие **звуки, произ-**

водимые органами речи: *стонать, петь, говорить, лепетать, роптать, твердить, шептать, плакать, рыдать*: «*Стонала вдалеке беспечная волна*» [Брюсов т. I:75], «*Тихие волны лепечут любовно / Сказку свою [там же:382]*. Встречаются и имена с той же семантикой: *ропот, голос, стон, плач, вопль, песня*.

В. Брюсов приписывает водной стихии не только способность к речи и пению, но и способность к стихосложению: «*Размер ямбического триметра / Мне слышен в гуле вод твоих. / В твоём глухом гуденьи, Иматра, / Есть правильный и строгий стих*» [Брюсов т. II:108].

Среди обозначений **частей тела**, характеризующих водные объекты в поэзии В. Брюсова, встречаются как более традиционные: *голова, косы, грудь*, так и менее: *тело, глаза*: «*Ночью светлой, ночью белой / Любо волнам ликовать, / Извиваться влажным телом, Косы пенные взметать; <...> И в припадках краткой грусти / (Лентой длинной сплетены) / Подставляя нагие груди / Золотым лучам луны*» [Брюсов т. I:455]. В. Брюсов обновляет традиционную метафору *грудь* (моря, реки), используя отношение словообразовательной деривации и отношение «целое – часть»: «*Там, где Эльбы полногрудой / Два сосца впились в мосты*» [Брюсов т. III:199].

С названиями водных объектов сочетаются обозначения, относящиеся к **жизненному циклу человека**: *жить, умереть*; обозначения **физических состояний**: *спать, полусонный*.

Еще большую роль, чем при олицетворении светил, в данной группе тропов играет семантический класс «**Любовные ощущения и действия**». При описании водной стихии многократно повторяется образ страсти; часто такие образы развернуты в больших контекстах, иногда целого стихотворения. В них вписываются частные тропы, например *любовный призыв, песни* (моря), *влюбленный, распаленный страстью океан, груди дюн и губы океана* («*Океан и дюны*» [Брюсов т. II:112-113]).

Психоземональные человеческие характеристики, которыми поэт наделяет водные объекты, рисуют их буйный, непокорный, мятежный, а иногда сердитый, злобный характер: «*Волны взбегают упорные, / Мечутся, дикие, пленные, / Гибнут в*

борьбе, *непокорные*, / Гаснут, разбитые, пенные...» [Брюсов т. I:164]. В этот класс образных характеристик входят и предикаты *буйствовать*, *безумствовать* и пр.: «Валы затевают свой вольный разбег, / Ликуют и *буйствуют* в дружеском споре» [Брюсов т. II:278].

Водной стихии у В. Брюсова часто приписываются предикаты с семантикой **борьбы, битвы**, стремления освободиться из плена: «Кипит встревоженное море, / *Мянутся* волны, как *в плену*» [Брюсов т. I:165]. В этом ряду тропов отметим индивидуально-авторское обозначение *волн* как «*мертвых воителей*» [там же:458].

Из имен существительных – обозначений лиц в применении к водным объектам – В. Брюсов чаще всего использует **имена родства**, что характерно для языка русской поэзии в целом. Это такие обозначения, как *сестра*, *брат*, *семья*, *матушка*. К ряду традиционных обозначений примыкает новая метафора *любовница*: «Холодно Каспию, старый ворчит; / Длится зима утомительно-долго. / Норд, налетев, его волны рябит; / Льдом его колет *любовница-Волга!*» [Брюсов т. II:238].

Другие природные явления и реалии, олицетворяемые в поэтических контекстах В. Брюсова, относятся к следующим семантическим классам: «Атмосферные явления», «Земля, рельеф», «Растения», «Животные», «Свет и тьма, световые явления в природе», «Времена года».

К олицетворяемым **атмосферным явлениям** относятся ветер, дождь, снег, вьюга, гроза, облака, тучи, туман.

Ветер наделяется способностью **речи и пения** (*лепечет*, *шепчет*, *поет*). С традиционной метафорой «петь» связана деривационной связью новая индивидуальная метафора *запевало*: «Ветер, лихой *запевало*, / Гладь синеватую брось!» [Брюсов т. III:433].

Ряд общепоэтических метафор – *шептать*, *лепетать* и т.п., пополняет новая метафора, взятая В. Брюсовым из французского языка: *вести causerie*: «Солнце льстит; флиртует море; / Ветер – остр, *ведет causerie...*» [Брюсов т. III:436].

Для ветра у В. Брюсова характерны нежность и печаль, проявление ласки к миру. Он характеризуется прилагательными *печальный, угрюмый, многострадальный, нежный, нежно-грустный*, словами *ласкать, ласка, нежить, целовать, лобзание*.

Близость, родственность стихии ветра лирическому субъекту выражается индивидуально-авторской метафорой – термином родства: «Ветер, мой давний *своjak!*» [там же:433] (ср. традиционное определение *родной*: Ветер, *родной* мой, задумчивый, северный! [там же:249]).

В семантическом классе «Земля, рельеф» наибольшее количество контекстов персонификации фиксируется со словом *земля* и обозначениями гор. Здесь больше всего именных метафор. Это, во-первых, **обозначения родства**, большая часть которых относится к общепозитическим: *мать, сын, дети, брат* (земля – *мать*, лирический субъект – *сын* земли, люди – *дети* земли, Малый Арарат – *брат* Арарата). В. Брюсов вовлекает в этот круг и новый элемент этого класса: *свахa*: «Помоги мне, *мать*-земля! / С тишиной меня сосватай! <...> Ты всему живому – *мать*, / Ты всему живому – *свахa!* [Брюсов т.І:277].

Следующая группа именных антропоморфных тропов, характеризующих землю, пашню, горы, – это **соматизмы**. В. Брюсов использует и широко употребительные в поэтическом языке обозначения *грудь, груди* (земли, горы), *лицо* (земли), *чрево* (пашни), *чело, лоб, седины, плечи* (горы), и менее традиционные *кожа, губы* (земли), *морицины* гор: «Взрывают весенние плуги / Корявую *кожу* земли» [там же:460], «Весь ослепительный, весь белый, / В рубцах задумчивых *морицин*» (об Арарате – 3.П.) [Брюсов т.ІІ:242].

Кроме терминов родства, горы характеризуют и другие **обозначения лиц**: *великаны, волхвы, цари, властелин*: «В огромной шапке Мономаха, / Как *властелин* окрестных гор, / Ты взнесся от земного праха / В свободный, голубой простор» (об Арарате – 3.П.) [Брюсов т.ІІ:241].

Среди олицетворений растений и животных у В. Брюсова упомянем только контекст с **термином родства** – *братья*, связывающим человека с представителями животного и

растительного мира, выражающий одну из ключевых идей в мировоззрении В. Брюсова-поэта – идею единства «О *братья*: человек! *бацилла*! *тигр*! *гвоздика*!» [Брюсов т. I:497]. (П. Антокольский писал о В. Брюсове: «Думается, что вся поэзия Брюсова – <...> непрерывный поиск ЕДИНСТВА и РОДСТВА» [Антокольский 1973:18]).

Довольно многочисленна группа метафор и сравнений со значением олицетворения, предметы сравнения которых относятся к семантическому классу «Свет и тьма»: *свет*, *луч*, *мгла*, *тьма*, *сумрак*, *сумерки*; к этому же классу мы относим обозначения частей суток: *день*, *ночь*, *вечер*, обозначения световых явлений в природе: *заря*, *рассвет*, *закат*, *молния*.

Световым явлениям поэт приписывает **психо-эмоциональные характеристики**: свет – *строгий*, *холодный* и *властный*, *пугливый*, луч – *пробегаёт стыдливо*, *властный*, *ласковый*, *влюбленный*, тени – *пугливые*, ночь – *застенчивая*, вечер – *мирный*, *безмятежный*.

Световым явлениям в произведениях В. Брюсова многократно приписываются человеческие действия. Это элемент класса «**Любовные действия**» *целовать*, *поцеловать* (ср. выше о классе «Светила»): «Над твоей улыбкой сонной / Лунный луч проколдовал, / Властный, ласковый, влюбленный, / Он тебя *поцеловал*» [Брюсов т. I:398]. Это и другие активные действия, свойственные человеку, в том числе **движения**: «*Идет* и торжествует мгла» [там же:335], «Полночь в стекла сонно бьет. / Ночь *свершает* свой *обход*» [там же:483], «Сумерки *бродят*...» [Брюсов т. II:57].

При изображении частей суток, (чаще – дня) В. Брюсов часто употребляет предикаты со значением болезни и умирания: «Ты помнишь ли *больной* осенний день» [Брюсов т. I:49]; «И он взглянул, и ты уснула, и он ушел, и *умер* день» [там же:105]; других **физических состояний**: *спать*, *дремать*, *заснуть*, *сонный*, *обессилеть*, *обмирать*.

Обозначения лиц характерны, в основном, для тропов, предмет сравнения которых – ночь: ночь – *охотник*, *царь*, *старуха*, *карга*, *хозяйка*, *зодчий*: «Ночь, древний *царь*

многоодежный» [Брюсов т. III:117], «Эх, доверилась Сумраку-сыну и ты, / Ночь-карга, земная хозяйка!» [там же:145].

В семантической категории «Человек» антропоморфных тропов у В. Брюсова намного меньше, чем в категории «Природа». Предметы сравнения относятся к следующим группам: «Экзистенциальные понятия»: смерть, судьба (рок); «Интеллект»: мечта, греза, мысль, дума, сон; «Чувства»: любовь, страсть, надежда, желание, печаль, радость, ужас; «Социальные явления»: война, революция, мятеж; «Языковые явления»: стихи, песня, слова, язык, рифма.

Олицетворяющие тропы, характеризующие эти предметы сравнения, часто традиционны или развивают традиционные образы: *смерть с косою – смерть с ножом разбойным, враг, старуха*; есть и индивидуально-авторские метафоры, опорными словами которых служат обозначения лиц: *черный рыцарь Рок, думы-женщины, думы-карлики, революция – алый всадник, мятеж – исполин, властелин*.

Интересно отметить, что любовь и страсть, относящиеся к ключевым понятиям лирики В. Брюсова, образно представлены в его стихах чаще всего как враги и мучители (*противник, недруг, тать, палач*): «Любовь, *противник* необорный» [Брюсов т. I:399], «Любовь, как властный *недруг*, вяжет, / Любовь, смеясь, ведет на казнь» [Брюсов т. III:319], «Как всякий, кто Любви застенков ведал, / Где Страсть пытается, ласковый *палач*, – / Освобожден, я дух бесстрашью предал» [Брюсов т. II:392], «Страсть – властно налагает цепи, / Страсть угнетает, как *тиран*» [Брюсов т. III:319].

Суммируя сказанное, перечислим кратко основные семантические классы олицетворяющих слов в поэтических текстах В. Брюсова. Многие из них, в общем, традиционны. Это классы «Восприятие» – предикаты в основном зрительного, реже слухового восприятия: *смотреть, глядеть, слушать, внимать*, и их дериваты: *глядеться, заглядывать, подглядывать*;

«Активные действия». Как природные явления, так и явления внутреннего мира человека представляются как активные деятели: *луна рисует арабески, месяц ворожит, май воскрешает, одевает луговины, заря убирает небесную лестницу в алый шелк*,

вечер нишет бисер, Москва все сокрушает в буйстве злобы, город берет в плен, страсть пытается, налагает цепи, любовь вяжет, ведет на казнь, вносит меч;

«Движения» характеризуют природные явления: *лучи пробегают, дождь ставит рекорд бега, бредет, березы склоняют главу, Каспий разлегся на ложе, тучи тешатся разбегом, березки забегают в ряд, ночь свершает обход, сумерки бродят, запад смежил глаза, день склоняется головой, волны клонят головы, бьются и рвутся, прилив льнет к скале, вонзает зубы в раны, земля окунула лицо в тень, Арарат отводит хмурый лоб; строения: церковь кланяется, дом льнет к дому, небоскреб зажмурился; понятия, относящиеся к классу «Человек»: смерть блуждает с косой, мечта преклоняет чело, Раздор рыщет, прикрыв зрачки, стихи бегут, крича;*

«Жизненный цикл человека»: *жить, живой, умирать, гибнуть, почить, мертвый, воскреснуть, в том числе, класс «Возраст»: старый, старик, старец, дряхлый, старуха, дряхлеть, дитя, юный,*

«Физические состояния и функции человеческого организма»: *спать, сон, сонный, полусонный, уснуть, заснуть, дремать, дремота, проснуться, бодрствовать, дышать, дыханье, пить, опьянеть, пьяный, усталый, больной, обессилеть,*

«Части тела»: *глаза, очи, зрачки, ресницы, слезы, лик, лицо, чело, лоб, морщины, уста, губы, рот, нос, голова (глава), череп, выя, грудь, груди, сосцы, брюхо, чрево, рука, тело, косы,*

«Речь», «Пение, музыка»: *ветер готовил мелодии с буйством скрипача, дудит гимн в медь трубы, закат – симфония тоски и золота, увертюра грозы и т. д.*

Можно наметить класс образов «Религия». Это могут быть единичные тропы типа «Вечерний Пан исполнен мира, <...> Следит, как вечер *из потира / Льет по-небу живую кровь*» [Брюсов т.П:116]; «Качнулась *богомольно / Под ветерком трава*» [Брюсов т.П:491]; а могут быть развернутые образы, занимающие иногда целое стихотворение, например, образ ночи, совершающей богослужение («Ночь», [Брюсов т.П:280]).

Отметим также специфически брюсовские образы любовно-эротического взаимодействия природных реалий (страсть как ключевое понятие поэзии В. Брюсова отмечается в ряде литературоведческих работ): ночь и любовник-месяц, море и месяц, Атлантика и скалы, свет и мгла (примеры приводились выше). Особенно часто В. Брюсов возвращается к описанию любовной страсти океана и земли (скал, дюн).

Обозначения людей – очень многочисленный класс персонифицирующих слов в произведениях В. Брюсова. Некоторые из них характерны для поэтического языка начиная с XIX в., например луна – *волшебница, царица*, смерть – *старуха*, горы – *цари, великаны*, земля – *невеста*; другие обновляют традиционные ряды опорных слов тропов: луна – *чужестранка*, ветер – *запевало*, звезды – *колдуньи*, ночь – *зодчий, охотник*, граниты – *волхвы*, океан – *бард*, август – *юноша-сатир*, мотылек – *тилигрим*, ум – *тилигрим* и др.

И, наконец, широко распространены в текстах В. Брюсова психоэмоциональные характеристики личности в применении к реалиям окружающего мира (*пугливый, строгий, властный свет, пугливые тени, властный, ласковый, влюбленный лунный луч, робкая, боязливая луна, смущенные, задумчиво-кроткие звезды, терпеливый, упорный дождь, застенчивая ночь, нежно-грустный, задумчивый, угрюмый и печальный ветер, надменные, упорные, непокорные волны, завистливый и жалкий лес, безжалостное, бесстрастное небо*). Это, безусловно, общее свойство поэтического языка и языка поэзии символистов, в частности, и нужны дальнейшие квантитативные исследования, чтобы определить, какие из этих характеристик отличают идиостиль В. Брюсова от других поэтов.

В. Брюсов разными способами развивает традиционные образные параллели, используя дериваты традиционных опорных слов, слова, связанные с традиционными словами сильной семантической связью (например, *ресницы звезд* – ср. *глаза звезд*), оживляет общепоэтические персонифицирующие метафоры и сравнения в контекстах, где они сочетаются с другими олицетворяющими словами.

В заключение отметим, что олицетворение в поэзии В. Брюсова связано со смысловыми доминантами его идиостиля. Так, исследователи отмечают такую черту мировоззрения поэта, как космизм. Соответственно, среди предметов олицетворения в его поэзии лидирует семантический класс «Светила» – СОЛНЦЕ, ЛУНА, ЗВЕЗДЫ. Следствием урбанизма В. Брюсова, также отмеченного в ряде литературно-критических работ, является высокая частота антропоморфных контекстов с предметом сравнения ГОРОД. Одной из важнейших брюсовских тем является тема страсти (см, например, [Кошемчук 2016]), поэтому и отличительная особенность его антропоморфных образов – обилие живых и ярких описаний любовной страсти природных реалий. Связаны и занятия поэта стиховедением и стиховедческие термины в его тропах, наделяющих природу способностью к стихосложению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антокольский П.Г. В. Брюсов // Брюсов В.Я. Собр. сочинений: В 7 т. М., 1973-1975. Т. I. М., 1973.
2. Брюсов В.Я. Собр. сочинений: В 7 т. М., 1973-1975. Т. I. М., 1973. Т. II. М., 1973. Т. III. М., 1974.
3. Кожевникова Н.А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М., 1986.
4. Кожевникова Н.А. Сравнения и метафоры в поэзии В. Брюсова // В. Брюсов и русский модернизм. М., 2004.
5. Кошемчук Т.А. Страсть в поэзии В. Брюсова // Русская речь. 2016. №1.

ZOYA PETROVA – PERSONIFYING METAPHORS AND SIMILES IN V. BRUSOV'S POETRY

The paper provides a semantic classification of tenors and vehicles of personifying tropes by V. Brusov. The author analyzes the ways of renewing the traditional tropes by the poet and emphasizes the relevance of personification in V. Brusov's poetry with semantic dominants of his typical idiosstyle.